

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Татьяны Михайловны Шкапенко
 «Интеракционально-прагматические функции междометий
 (на материале заимствованных англо-американских интеръектиvos
 в современном русском языке)»

Диссертация Татьяны Михайловны Шкапенко посвящена одной из самых запутанных и нечетких областей языка, пограничной языковой периферии, которую в лингвистике определяют как частеречный класс «междометия».

Онтологическая сложность описания этих единиц связана с неочевидным языковым статусом прототипических эмоциональных междометий, их неязыковыми фонетическим характеристиками (доминантой супрасегментных характеристик перед сегментными), ненамеренностью производства и вследствие этого – неадресованностью, то есть признаками, кардинально отличающими эмоциональные междометия от прочих знаков языка, что, впрочем, не мешает этим единицам активно использоваться в устной коммуникации, выполнять только им присущие информативные и коммуникативные функции.

Гносеологическая сложность связана с периферийным характером междометий, «задним двором» для лингвистики, куда принято сметать все, что неудобно теоретикам при построении той или иной модели языка. В результате «остаточного принципа» и способа описания языка в той или иной теории класс междометий пополнился слабо изоморфными группами единиц, образовался эклектичный набор групп под единым наименованием.

В более или менее общепринятый состав класса междометий в русской грамматике с легкой руки В.В. Виноградова входят первичные эмоциональные междометия, передающие нерасчлененными неязыковыми звучаниями эмоциональное состояние субъекта: звукоподражательные слова, передающие сегментными средствами языка звуки природы, вторичные эмоциональные междометия – стандартные единицы языка, слова и словосочетания, потерявшие в особых контекстах лексическое значение; побудительные междометия (первичные и вторичные) – производимые намеренно и адресовано звуковые сигналы и команды; этикетные формулы – производимые намеренно и адресовано социально ожидаемые языковые сигналы; коммуника-

тивы – краткие, грамматически аморфные ответные реплики диалога; глагольные «междометия»: *прыг*, *скок*, *шмыг* и другие экспрессивные единицы языка.

Каждая из групп связана с прототипическими эмоциональными междометиями или с другой группой каким-либо отдельным признаком. В результате такого «зонтичного» объединения, не имеющего общего родового основания, получается и отличная оборона части речи «междометия» от любых нападок и сомнений относительно языкового статуса ее прототипической группы, и – неразрешимая до сих пор проблема построения логичной модели описания класса междометий.

Очередная оригинальная и обстоятельная попытка построения такой модели описания предлагается в докторской диссертации Татьяны Михайловны Шкапенко, ставящей своей целью исследование когнитивных процессов вхождения в русский язык заимствованных англо-американских интеръективов и выявление их pragматических функций в «репрагматизации картины мира» носителей современного русского языка. Для обоснования поставленной в работе цели, построения «фундамента» интеракционально-прагматических функций в диссертации разработана оригинальная теоретическая модель, претендующая на логически (семиотически) универсальное описание наиболее близких друг другу групп единиц, относимых к междометиям: эмоциональных, побудительных и этикетных.

Цель работы, ее актуальность и новизна очевидны: исследование нечетко осознаваемого и слабо описанного языкового материала и построение для такого описания новой теоретической модели соответствует уровню, предъявляемому современной наукой для сочинений, претендующих на ученую степень доктора наук.

Во введении диссертации дается обоснование актуальности исследования, новизны, теоретической и практической значимости, ставятся цели и задачи, указываются методы анализа материала.

Первая глава «Общие теоретические предпосылки исследования междометий» посвящена анализу лингвистических взглядов на природу и языковой статус междометий, в ней дается характеристика основных традиционных и современных концепций описания междометий в отечественной и зарубежной лингвистике.

Автор проанализировал обширный список трудов разных направлений, касавшихся проблем интерпретации и классификации междометий с позиций морфологического, синтаксического, семантического, процедурно-инфиренционного подходов.

Главу можно смело назвать «энциклопедией» лингвистических воззрений различных лингвистических школ на рассматриваемый класс единиц. Последовательно анализируются кардинально различные понимания и подходы к рассматриваемому феномену, языковые полемики, сильные и слабые стороны каждого направления. Особое внимание уделено двум современным концепциям, которые можно более или менее условно привязать к именам А. Вежбицкой и Т. Вартона. В представленных теориях подчеркивается отличие эмоциональных междометий от стандартных языковых знаков: междометия выражают состояние человека, а стандартные языковые единицы его описывают. Анна Вежбицкая передает эту мысль афористично: *я чувствую – для интеръективов, я говорю, что я чувствую – для единиц языка*. Отмечая разную степень включенности рассматриваемых звуковых феноменов, передающих эмоциональное состояние человека, Т. Вартон предлагает ввести плавную шкалу «языковления» таких эмоциональных симптомов от нерасчлененных и неязыковых «мычаний» к конвенциональным знакам, построенным на звуках национального языка, то есть воспринимаемым как обычное слово и однозначно осознаваемым как та или иная эмоция.

Критический обзор концепций А. Вежбицкой и Т. Вартона приводит автора диссертации к несколько категоричному, на наш взгляд, выводу о «затемнении и искажении онтологической сущности» семантизации междометий ввиду отсутствии у этих единиц значения (см. с. 79 диссертации). Однако, как кажется, к третьей главе авторская позиция сглаживается, что позволяет исследователю строить собственные толкования междометий по аналогии с толкованиями А. Вежбицкой.

Во второй главе «Теоретические основы интеракционально-прагматической концепции описания междометия» на основе семиотического подхода предлагается оригинальная модель описания междометия как особого вида знака, принципиально отличающего его от стандартных знаков языка. Вводится понятие интеракциональности как особого свойства междометий, реактивного взаимодействия междометий с внеязыковой средой. Противопоставление интеракционально-прагматических знаков знакам дескриптивным – важнейший компонент предлагаемой модели семиотической интерпретации междометий. Действительно, эмоциональное междометие есть реактивное и ненамеренное действие, элемент симптоматического поведения субъекта результат воздействия внешней среды, а не описание такого действия, поведе-

ния. И все остальные рассматриваемые группы междометий также выполняют не дескриптивную (номинативную), а коммуникативную функцию.

Достаточно ли этой разделительной черты, отделения дескриптивной лексики, для изоморфного описания всех групп междометий? Черт, как известно, сидит в деталях, и такой деталью в предлагаемой концепции является понимание отношений между интеръективом и языковой средой. Если на с. 57 диссертации автор указывает на признаки ненамеренности и неадресованности эмоциональных междометий, их «субъективно-объективный» характер, где активным субъектом выступает среда, а пассивным субъектом – эмоциональное состояние, то на с. 86 подчеркивает переход в класс междометий единиц слов-действий, также отделенных от дескриптивных единиц языка, однако совсем не обязательно реактивных, а главное, используемых в речи намеренно и адресованно. В результате получается, что предлагаемая в работе концепция интеракциональности отчасти нивелирует присущие прототипическим эмоциональным междометиям компоненты «непроизвольность» и «неадресованность», выводя на первый план объединяющий эмоциональные, побудительные и этикетные единицы компонент «актуализованное действие». Такой подход близок теории речевых актов, в котором, правда, эмоциональные междометия не рассматривались в силу их неинтенциональности, а также функциональной классификации языка К. Бюлера, в которой языковые средства распределяются по выражению репрезентативной функции (дескриптивные знаки), эмотивной функции (эмоциональные междометия и другие формы экспрессии), и по апеллятивной функции, (побудительные междометия, этикетные единицы, императивы и вопросы). «Эмотивные» и «апеллятивные» средства языка, действительно, принципиально отличаются от «репрезентативных» по признаку актуализированности характера использования. Они обслуживают речевой режим языка, в отличие от «дескриптивных», предназначенных для нарративного, описательного режима языка.

Итак, предлагаемая оригинальная теория – очередной вклад в копилку интеръективных теорий, однако даже интересный анализ семиозиса интеръективного знака с позиций говорящего и воспринимающего не позволяет окончательно, с нашей точки зрения, разрешить «тайну междометий», дать логически безупречное, изоморфное описание всего класса единиц, поскольку данный анализ касается только эмоциональных междометий и не применим для других анализируемых групп.

Очень хорошо и убедительно описывается во второй главе процесс перехода дескриптивных знаков в интеракциональные, в результате которого слово теряет лексическое значение и переходит в класс эмоциональных междометий, выполняя функцию «реактивного эмоционального самовыражения индивида».

В порядке пожелания автору на будущее скажем лишь следующее: использование языкового материала для аргументации выдвигаемых положений в теоретической части работы придало им большую убедительность.

В третьей и четвертой главе диссертации проводится плавный переход от теории к ее практическому применению. Относительно небольшая третья глава «Эмпирический подход к исследованию семиозиса интеракциональных и дескриптивных знаков» посвящена процессу освоения заимствований в русском языке. Автор продолжает раскрывать различия между дескриптивными знаками и междометиями на примере анализа диагностических единиц: дескриптивной (*креативный, креативность*) и интеракциональной (*вау*). Утверждается, что дескриптивная лексика осваивается в сознании воспринимающего субъекта через дедуктивные умозаключения, появление в сознании «определенного гносеологического образа», а интеракциональная – через индукцию и «встраивание эмоционального рефлекса».

Четвертая глава «Когнитивно-семиотический, pragматический и лингвокультурный аспекты функционирования англо-американских междометий в современном русском языке» посвящена реализации основной цели диссертационной работы – описанию входящих в русский язык и культуру англо-саксонских междометий. Данная глава вызвала во мне как в читателе и как в специалисте по теории междометий несколько противоречивые чувства, поскольку в своей книге «Междометия в речи, тексте и словаре», в главе 5, параграфе 4 я также рассматриваю проблему заимствованных междометий в русский язык. Позволю себе здесь остановиться на некоторых важных для меня моментах.

1. Автор, как кажется, чересчур категорично утверждает герметичность первообразных русских эмоциональных междометий. Уже устаревающее немецкое «фыркающее» междометие *пфуй* (в НКРЯ 36 примеров употребления, включая современные) вошло в язык еще с XIX века, французское *ой-ля-ля / о-ля-ля*, восточные *ваи* и *вах* давно уже функционируют в русской речи на правах вариантов произнесения вокальных жестов. Но, разумеется, процесс их постепенного вхождения в прошлые

эпохи абсолютно не похож на тот культурно-коммерческий нажим, с которым вводятся в язык новомодные англо-саксонские междометия, о чем так подробно и убедительно пишет автор диссертационного исследования.

2. Большое сомнение вызывает предлагаемый подход о навязывании каких-либо новых, неизвестных доселе русским людям эмоций. В своей концепции я придерживаюсь теории базовых универсальных эмоций, в которые входят, в частности, эмоции удивления, радости, огорчения, страха и некоторых других. Непроизвольные эмоции находят выход в неязыковых вокальных жестах, слабо сегментированных вокализациях, которые при их письменной фиксации и вторичном озвучивании обретают более или менее четко выраженный сегментный облик. Такие, приобретшие четкое звуковое оформление междометия, разумеется, обладают характеристиками национальной фонетики и более четко ассоциируются с той или иной эмоцией. Другими словами, люди одинаково вздыхают от усталости или тяжелых мыслей, интонируют, «выпевают» или высвистывают свое изумление, вскрикивают от страха или от растерянности, а вот когда облекают такие вокализации в конкретные звуковые «одежды», появляются национально-специфичные междометия. Более того, я исхожу из того, что заимствование эмоциональных междометий происходит только при распознавании стоящего за ним универсального вокального жеста. Разумеется, распознавание происходит на интуитивном (индуктивном, в терминологии автора исследования) уровне: вокальные жесты нечасто осознаются самими людьми. Поэтому при опросе носителей языка, апелляции к их сознанию, не всегда легко выявить настоящий русский аналог чужому междометию.

Основу вокального жеста, фонетически оформленному как междометие *Bay*, передающего возглас заинтересованности при неожиданном восприятии, составляет универсальный интонационный контур, реализуемый в русской речи на базе протяжного звука *O*. Говорящий при этом может непроизвольно вскинуть голову, слегка всплеснуть руками, что наряду с вокализацией составляет единое симптоматическое представление изумления и заинтересованности. Приведем несколько примеров, в которых передаваемый на письме вокальный жест легко прочитывается и интонируется аналогично заимствованному *Bay*:

Журковский двинулся в гостиную. — **О-о-о!** А вот и хозяин! [А. Белозеров. Чайка].

Егор даже слегка растерялся. — **О-о!** — сказал он. — Вот так гость! [В. Шукшин.

Калина красная

— Просто Гаврилов? — Нет, не просто. Гаврилов Лев. — **О-оо!** Я вижу — ты влюблена? [Л. Гурченко. Аплодисменты (1994-2003)]

Проблема идиосинкразии старшего поколения к междометию *Bay* состоит, по нашему мнению, не во введении в русскую культуру новой и чуждой для нее эмоции, а в звуковой конвенциализации и манере представления очень непосредственной и искренней эмоции, в навязывании социализованного, «театрального» поведения при передаче эмоционального состояния, которое часто воспринимается в русской культуре как фальшивое (см. противопоставление русской эмоциональности и британской эмотивности, напр. в работе Т.В. Лариной "Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах").

Подобным же образом в язык вошло молодежное *йес*, передающее радость от удачи, победы, как своей, так и того, кому симпатизирует говорящий. Прямой аналог, вытесняющим вариантом которого стало модное *йес* — это русское *есть!*

«Этот ребус трудненько будет разгадать, — говорил Синицкий, похаживая вокруг столовника. — Придется вам посидеть над ним!». — «Придется, придется, — ответил Корейко с усмешкой, — только вот гусь меня смущает. К чему бы такой гусь? А-а-а! **Есть!** Готово! "В борьбе обретешь ты право свое"?». — «Да, — разочарованна протянул старик, — как это вы так быстро угадали?». (И. Ильф, Е. Петров, Золотой теленок).

И тут шляпа подплыла чуть поближе, я замахнулся и вонзил ей гвоздь в самую макушку. Незнакомые ребята закричали: — «**Есть!**». (В. Драгунский. Шляпа гроссмейстера).

Примеры можно множить.

Разумеется, сказанное не отменяет подробно и убедительно описываемую автором модификацию эмоционального поведения: демонстративное выпячивание эмоционального состояния, противопоставленное русской традиции непосредственности выражения искренних чувств. Новому стилю в большей степени поддается молодое поколение, выросшее на голливудских фильмах, западной медиа- и музыкальной культуре. Именно этот комплекс эмоционального самопредставления, в который составным элементом входят эмотивные, стилизованные междометия и обусловли-

вает явление, удачно названное в диссертации «репрагматизацией картины мира». Укрепление западного стиля эмотивного поведения на материале междометий убедительно обосновывается в главе повторным анкетированием носителей русского языка, материалы которого демонстрируют внедрение заимствованных интеръективных единиц в язык и постепенное затухание идиосинкразии к ним.

Высказанные предложения и замечания не уменьшают теоретической ценности и значимости оригинального исследования и служат лишь в качестве рекомендации для дальнейшей работы автора над проблематикой.

Автореферат публикации автора полностью отражают содержание диссертации.

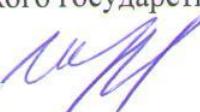
Суммируя вышесказанное, считаем, что диссертация Шкапенко Татьяны Михайловны «Интеракционально-прагматические функции междометий (на материале заимствованных англо-американских интеръективов в современном русском языке)» соответствует паспортам специальностей 10.02.01 – русский язык, 10.02.19 – теория языка, в полной мере отвечает требованиям, установленным в п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней» в редакции Постановления Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальностям 10.02.01 – русский язык, 10.02.19 – теория языка.

Доктор филологических наук (10.02.01 – русский язык),

профессор, профессор кафедры русского языка

Института лингвистики Российской государственного

гуманитарного университета

 Шаронов Игорь Алексеевич

125993, ЦФО, Москва, Миусская площадь, д.6.

+7 (495) 250-61-18

igor_sharonov@mail.ru

2 марта 2018 г.

